

Игорь ГУБЕРМАН
**ГАРИКИ
НА КАЖДЫЙ
ДЕНЬ**

Современные и классические бестселлеры

Игорь Губерман

Гарика на каждый день

«ЭКСМО»

Губерман И. М.

Гарики на каждый день / И. М. Губерман — «Эксмо»,

«Гарики на каждый день», написанные поэтом и хулиганом Игорем Губерманом, сложно описать одним словом. Афористичные, искрометные, смешные и сатирически острые, всегда актуальные, не всегда приличные, немного циничные, но по-русски лиричные – все это они. Из нас любой, пока не умер он, себя слагает по частям из интеллекта, секса, юмора и отношения к властям.

© Губерман И. М.

© Эксмо

Содержание

1	5
2	13
3	22
4	31
5	39
6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Игорь Губерман

Гарики на каждый день

*Посвящается Юлию Китаевичу – любимому другу, автору
многих моих стихов*

*Утучняется плоть.
Испаряется пыл.
Годы выжили
на медленный ужин.
И приятно подумать,
что все-таки был
и кому-то бывал даже нужен.*

1

КАК ПРОСТО ОТНЯТЬ У НАРОДА СВОБОДУ: ЕЕ НАДО ПРОСТО ДОВЕРИТЬ НАРОДУ

* * *

Мне Маркса жаль: его наследство
свалилось в русскую купель:
здесь цель оправдывала средства,
и средства обосрали цель.

* * *

Во благо классу-гегемону,
чтоб неослабно правил он,
во всякий миг доступен шмону
отдельно взятый гегемон.

* * *

Слой человека в нас чуть-чуть
наслоен зыбко и тревожно;
легко в скотину нас вернуть,
поднять обратно очень сложно.

* * *

Навеки мы воздвигли монумент
безумия, крушений и утрат,
поставив на крови эксперимент,
принесший негативный результат.

* * *

Я молодых, в остатках сопель,
боюсь, трясущих жизнь, как грушу:
в душе темно у них, как в жопе,
а в жопе – зуд потешить душу.

* * *

Чтоб сохранить себя в природе,
давя, сминая и дробя,
страх сам себя воспроизводит,
растит и кормит сам себя.

* * *

Когда истории сквозняк
свистит по душам и державам,
один – ползет в нору слизняк,
другой – вздувается удавом.

* * *

Добро, не отвергая средства зла,
по ним и пожинает результаты;
в раю, где применяется смола,
архангелы копытны и рогаты.

* * *

Когда клубится страх кромешный
и тьму пронзает лай погонь,
благословен любой, посмевавший
не задувать в себе огонь.

* * *

Расхожей фразой обеспечась,
враждебна жизни и природе,
при несвободе мразь и нечисть
свободней в пастыри выходит.

* * *

Свобода, глядя беспристрастно,
тогда лишь делается нужной,

когда внутри меня пространство
обширней камеры наружной.

* * *

По крови проникая до корней,
пронизывая воздух небосвода,
неволя растлевает нас сильнее,
чем самая беспутная свобода.

* * *

Нам от дедов сегодня досталась
равнодушная тень утомления —
историческая усталость
бесноватого поколения.

* * *

Дух времени хотя и не воинствен,
по-прежнему кровав его прибой;
кончая свою жизнь самоубийством,
утопии нас тянут за собой.

* * *

Перо и глаз держа в союзе,
я не напрасно хлеб свой ем:
Россия – гордиев санузел
острейших нынешних проблем.

* * *

Боюсь я любых завываний трубы,
взирая привычно и трезво:
добро, стервенея в азарте борьбы,
озляется круто и резво.

* * *

Мне повезло: я знал страну,
одну-единственную в мире,
в своем же собственном плену
в своей живущую квартире.

* * *

Где лгут и себе, и друг другу,
и память не служит уму,
история ходит по кругу
из крови – по грязи – во тьму.

* * *

Цветут махрово и упрямо
плодов прогресса семена:
снобизм плебея, чванство хама,
высокомерие гавна.

* * *

В года растленья, лжи и страха
узка дозволенная сфера:
запретны шулки ниже паха
и размышленья выше хера.

* * *

С историей не близко, но знаком,
я славу нашу вижу очень ясно:
мы стали негасимым маяком,
сияющим по курсу, где опасно.

* * *

Возглавляя партии и классы,
лидеры вовек не брали в толк,
что идея, брошенная в массы, —
это девка, брошенная в полк.

* * *

Привычные, безмолвствуют народы,
беззвучные горланят петухи;
мы созданы для счастья и свободы,
как рыба – для полета и ухи.

* * *

Все социальные системы —
от иерархии до братства —

стучатся лбами о проблемы
свободы, равенства и блядства.

* * *

Назначенная чашу в срок испить,
Россия – всем в урок и беспокойство —
распята, как Христос, чтоб искупить
всеобщий смертный грех переустройства.

* * *

В крошечных ситуациях любых,
запутанных, тревожных и горячих,
спокойная уверенность слепых
кошмарнее растерянности зрячих.

* * *

Что ни век, нам ясней и слышней
сквозь надрыв либерального воя:
нет опасней и нету вредней,
чем свобода совсем без конвоя.

* * *

Нас книга жизни тьмой раздоров
разъединяет в каждой строчке,
а те, кто знать не знает споров, —
те нас ебут поодиночке.

* * *

В нас пульсом бьется у виска
душевной смуты злая крутость;
в загуле русском есть тоска,
легко клонящаяся в лютость.

* * *

Закрыв глаза, прижавши уши,
считая жизнь за подаяние,
мы перерыв, когда не душат,
смакуем как благоденствие.

* * *

Имея сон, еду и труд,
судьбе и власти не перечат,
а нас безжалостно ебут,
за что потом бесплатно лечат.

* * *

Дороги к русскому ненастью
текли сквозь веру и веселье;
чем коллективней путь ко счастью,
тем горше общее похмелье.

* * *

Года несправедных гонений
сочат незримый сок заразы,
и в дух грядущих поколений
ползут глухие метастазы.

* * *

Лично я и раболепен, и жесток,
и покуда такова моя природа,
демократия – искусственный цветок,
неживучий без охраны и ухода.

* * *

Жить и нетрудно, и занятно,
хотя и мерзостно неслыханно,
когда в эпохе все понятно
и все настолько же безвыходно.

* * *

Есть одна загадочная тема,
к нашим относящаяся душам:
чем безумней дряхлая система,
тем опасней враз ее разрушить.

* * *

Уюта и покоя благодать
простейшим ограничена пределом:

опасно черным черное назвать,
а белое назвать опасно белым.

* * *

Судьбы российской злые чары
с наукой дружат в наши дни,
умней и тоньше янычары
и носят штатское они.

* * *

Российский нрав прославлен в мире,
его исследуют везде,
он так диковинно обширен,
что сам тоскует по узде.

* * *

Зима не переходит сразу в лето,
на реках ледоход весной неистов,
и рушатся мосты, и помнить это
полезно для российских оптимистов.

* * *

Мечты, что лелеяли предки,
до срока питали и нас,
и жаль, что одни лишь объедки
от них остаются сейчас.

* * *

У жизни свой, иной оттенок,
и жизнечувствие свое,
когда участвует застенок
во всех явлениях ее.

* * *

Не в силах нас ни смех, ни грех
свернуть с пути отважного,
мы строим счастье сразу всех,
и нам плевать на каждого.

* * *

Окраины, провинции души,
где мерзость наша, низость и потемки,
годами ждут момента. А потомки
потом гадают, как возник фашизм.

* * *

Я боюсь, что там, где тьма клубиста,
где пружины тайные и входы,
массовый инстинкт самоубийства
поит корни дерева свободы.

* * *

Любую можно кашу моровую
затеять с молодежью горлопанской,
которая Вторую мировую
уже немного путает с Троянской.

2

СРЕДИ НЕМЫСЛИМЫХ ПОБЕД ЦИВИЛИЗАЦИИ МЫ ОДИНОКИ, КАК КАРАСЬ В КАНАЛИЗАЦИИ

* * *

Из нас любой, пока не умер он,
себя слагает по частям
из интеллекта, секса, юмора
и отношения к властям.

* * *

Когда-нибудь, впоследствии, потом,
но даже в буквари поместят строчку,
что сделанное скопом и гуртом
расхлебывает каждый в одиночку.

* * *

С рожденья тягостно раздвоен я,
мечусь из крайности в конец,
родная мать моя – гармония,
а диссонанс – родной отец.

* * *

Между слухов, сказок, мифов,
просто лжи, легенд и мнений
мы враждуем жарче скифов
за несходство заблуждений.

* * *

Кишат стареющие дети,
у всех трагедия и драма,
а я гляжу спектакли эти
и одинок, как хер Адама.

* * *

Не могу эту жизнь продолжать,
а порвать с ней – мучительно сложно;
тяжелее всего уезжать

нам оттуда, где жить невозможно.

* * *

В сердцах кому-нибудь грубя,
ужасно, вероятно,
однажды выйти из себя
и не войти обратно.

* * *

Каждый сам себе – глухие двери,
сам себе преступник и судья,
сам себе и Моцарт, и Сальери,
сам себе и желудь, и свинья.

* * *

У нас пристрастие к словам —
совсем не прихоть и не мания;
слова необходимы нам
для лжи взаимопонимания.

* * *

То наслаждаясь, то скорбя,
держась пути любого,
будь сам собой, не то тебя
посадят за другого.

* * *

По образу и духу своему
Создатель нас лепил, творя истоки,
а мы храним подобие Ему
и, может, потому так одиноки.

* * *

Не прыгай с веком наравне,
будь человеком;
не то окажешься в гавне
совместно с веком.

* * *

Гляжу, не жалуясь, как осенью

повеял век на пряди белые,
и вижу с прежним удовольствием
фортуны ягоды спелые.

* * *

Вольясь в земного времени поток
стечением случайных совпадений,
любой из нас настолько одинок,
что счастлив от любых соединений.

* * *

Не зря ли знаньем бесполезным
свой дух дремотный мы тревожим?
В тех, кто заглядывает в бездну,
она заглядывает тоже.

* * *

Есть много счастья в ясной вере
с ее тяжелым грузом легким,
да жаль, что в чистой атмосфере
невмочь моим тяжелым легким.

* * *

Хотя и сладостен азарт
по сразу двум идти дорогам,
нельзя одной колодой карт
играть и с дьяволом, и с Богом.

* * *

Непросто – думать о высоком,
паря душой в мирах межзвездных,
когда вокруг под самым боком
сопят, грызут и портят воздух.

* * *

Мы делим время и наличность,
мы делим водку, хлеб, ночлег,
но чем отчетливее личность,
тем одиноче человек.

* * *

И мерзко, и гнусно, и подло,
и страх, что заразишься свинством,
а быдло сбивается в кодро
и счастливо скотским единством.

* * *

Никто из самых близких по неволе
в мои переживания не вхож,
храню свои душевные мозоли
от любящих участливых галош.

* * *

Разлуки свистят у дверей,
сiju за столом сиротливо,
ребята шампанских кровей
становятся бочками пива.

* * *

Возделывая духа огород,
кряхтит гуманитарная элита,
издерганная болью за народ
и сменами мигрени и колита.

* * *

С успехами наук несообразно,
а ноет – и попробуй заглуши —
моя неоперабельная язва
на дне несуществующей души.

* * *

Эта мысль – украденный цветок,
просто рифма ей не повредит:
человек совсем не одинок!
Кто-нибудь всегда за ним следит.

* * *

С душою, раздвоенной, как копыто,
обеим чужероден я отчизнам —

еврей, где гоношат антисемиты,
и русский, где грешат сионанизмом.

* * *

Теснее круг. Все реже встречи.
Летят утраты и разлуки;
иных уж нет, а те далече,
а кто ослаб, выходит в суки.

* * *

Бог техники – иной, чем бог науки;
искусства бог – иной, чем бог войны;
и Бог любви слабеющие руки
над ними простирает с вышины.

* * *

За столькое приходится платить,
покуда протекает бытие,
что следует судьбу благодарить
за случаи, где платишь за свое.

* * *

В наших джунглях, свирепых и каменных,
не боюсь я злодеев старинных,
а боюсь я невинных и праведных,
бескорыстных, святых и невинных.

* * *

Уходят сыновья, задрав хвосты,
и дочери томятся, дома сидя;
мы садим семена, растим цветы,
а после только ягодицы видим.

* * *

Когда кругом кишит бездарность,
кладя на жизнь свое клише,
в изгойстве скрыта элитарность,
весьма полезная душе.

* * *

Мне жаль небосвод этот синий,
жаль землю и жизни осколки;
мне страшно, что сытые свиньи
страшней, чем голодные волки.

* * *

Друзья всегда чуть привередливы.
И осмеять имеют склонность.
Друзья всегда чуть надоедливы.
Как верность и определенность.

* * *

Господь посеял нас, как огород,
но в зарослях растений, Им растимых,
мы делимся на множество пород,
частично вообще несовместимых.

* * *

Живу я одиноко и сутуло,
друзья поумирали или служат,
а там, где мне гармония блеснула,
другие просто жопу обнаружат.

* * *

С моим отъездом шов протянется,
кромсая прямо по стране
страну, которая останется,
и ту, которая во мне.

* * *

Я вдруг утратил чувство локтя
с толпой кишащего народа,
и худо мне, как ложке дегтя
должно быть худо в бочке меда.

* * *

На дружеской негромкой сидя тризне,
я думал, пепел стряхивая в блюдце,

как часто неудачники по жизни
в столетиях по смерти остаются.

* * *

Где страсти, где ярость и ужасы,
где рать ополчилась на рать,
блажен, в ком достаточно мужества
на дудочке тихо играть.

* * *

Смешно, как люто гонит нас
в толкучку гомона и пира
боязнь остаться лишний раз
в пустыне собственного мира.

* * *

Разлад отцов с детьми – залог
тех постоянных изменений,
в которых что-то ищет Бог,
играя сменой поколений.

* * *

Свои черты, штрихи и блики
в душе у каждого и всякого,
но непостижно разнолики,
мы одиноки одинаково.

* * *

Меняя цели и названия,
меняя формы, стили, виды, —
покуда теплится сознание,
рабы возводят пирамиды.

* * *

Смешно, когда мужик, цветущий густо,
с родной державой соли съевший пуд,
внезапно обнаруживает грустно,
что, кажется, его давно ебут.

* * *

Блажен, кто в заботе о теле
всю жизнь положил ради хлеба,
но небо светлее над теми,
кто изредка смотрит на небо.

* * *

Свечение души разнообразно,
незримо, ощутимо и пронзительно;
душевная отравленность – заразна,
душевное здоровье – заразительно.

* * *

Уехать. И жить в безопасном тепле.
И помнить. И мучиться ночью.
Примерзла душа к этой стылой земле,
вросла в эту гиблую почву.

* * *

Во всем, что видит или слышит,
предлог для грусти находя,
зануда – нечто вроде крыши,
текущей даже без дождя.

* * *

Друзья мои! Навек вам нежно предан,
я щедростью душевной вашей взыскан;
надеюсь, я не буду вами предан,
и этот долг не будет вами взыскан.

* * *

На нас нисходит с высоты
от вида птичьего полета
то счастье сбывшейся мечты,
то капля жидкого помета.

* * *

Жил человек в эпохе некой,
твердил с упрямостью свое,

она убила человека,
и стал он гордостью ее.

* * *

Нету бедственней в жизни беды,
чем разлука с любимой сумятицей:
человек без привычной среды
очень быстро становится Пятницей.

* * *

Проста нашей психики сложность,
ничуть не сложнее, чем прежде:
надежда – важней, чем возможность
когда-нибудь сбыться надежде.

* * *

Мы – умны, а вы – увы,
что печально, если
жопа выше головы,
если жопа в кресле.

* * *

Звоните поздней ночью мне, друзья,
не бойтесь помешать и разбудить;
кошмарно близок час, когда нельзя
и некуда нам будет позвонить.

3

В БОРЬБЕ ЗА НАРОДНОЕ ДЕЛО Я БЫЛ ИНОРОДНОЕ ТЕЛО

* * *

В стране рабов, кующих рабство,
среди блядей, поющих блядство,
мудрец живет анахоретом,
по ветру хер держа при этом.

* * *

Как нелегко в один присест,
колеблясь даже, если прав,
свою судьбу – туманный текст —
прочесть, нигде не переврав.

* * *

Себя расточая стихами
и век промотавши, как день,
я дерзко хватаю руками
то эхо, то запах, то тень.

* * *

На все происходящее гляжу
и думаю: огнем оно гори;
но слишком из себя не выхожу,
поскольку царство Божие – внутри.

* * *

Прожив полвека день за днем
и поумнев со дня рождения,
теперь я легок на подъем
лишь для совместного падения.

* * *

Красив, умен, слегка сутул,
набит мировоззрением,
вчера в себя я заглянул

и вышел с омерзением.

* * *

В живую жизнь упрямо верил я,
в простой резон и в мудрость шутки,
а все высокие материи
блядям раздаривал на юбки.

* * *

Толстухи, щепки и хромые,
страшили, шлюхи и красавицы
как параллельные прямые
в моей душе пересекаются.

* * *

Я не стыжусь, что ярый скептик
и на душе не свет, а тьма;
сомнение — лучший антисептик
от загнивания ума.

* * *

Будущее — вкус не портит мне,
мне дрожать за будущее лень;
думать каждый день о черном дне —
значит делать черным каждый день.

* * *

Мне моя брезгливость дорога,
мною руководящая давно:
даже чтобы плюнуть во врага,
я не набираю в рот гавно.

* * *

Я был везунчик и счастливчик,
судил и мыслил просвещенно,
и не один прелестный лифчик
при мне вздымался учащенно.

* * *

Мой небосвод хрустально ясен

и полон радужных картин
не потому, что мир прекрасен,
а потому, что я – кретин.

* * *

На дворе стоит эпоха,
а в углу стоит кровать,
и когда мне с бабой плохо,
на эпоху мне плевать.

* * *

Я держусь лояльной линии
с нравом времени крутым;
лучше быть растленным циником,
чем подследственным святым.

* * *

В юности ждал я радости
от суеты и свиста,
а превращаюсь к старости
в домосексуалиста.

* * *

Я живу – не придумаешь лучше,
сам себя подпирая плечом,
сам себе одинокий попутчик,
сам с собой не согласный ни в чем.

* * *

Пишу не мерзко, но неровно;
трудиться лень, а праздность злит.
Живу с еврейкой любовно,
хотя душой – антисемьит.

* * *

Я оттого люблю лежать
и в потолок плюю,
что не хочу судьбе мешать
кроить судьбу мою.

* * *

Все вечные жида во мне сидят —
пророки, вольнодумцы, торгаши,
и, всласть жестикулируя, галдят
в потемках неустроенной души.

* * *

Я ни в чем на свете не нуждаюсь,
не хочу ни почестей, ни славы;
я своим покоем наслаждаюсь,
нежным, как в раю после облавы.

* * *

Пока не поставлена клизма,
я жив и довольно живой;
коза моего оптимизма
питается трын-травой.

* * *

С двух концов я жгу свою свечу,
не жалея плоти и огня,
чтоб, когда навеки замолчу,
близким стало скучно без меня.

* * *

Ничем в герои не гожусь —
ни духом, ни анфасом;
и лишь одним слегка горжусь —
что крест несу с приплясом.

* * *

Я к тем, кто краен и неистов,
утратил прежний интерес:
чем агрессивней прогрессисты,
тем безобразнее прогресс.

* * *

Пусть гоношит базар напрасный
кто видит цель. А я же лично

укрылся в быт настолько частный,
что и лица лишен частично.

* * *

Я понял вдруг, что правильно живу,
что чист и, слава Богу, небездарен,
по чувству, что во сне и наяву
за все, что происходит, благодарен.

* * *

Это счастье – дворец возводить на песке,
не бояться тюрьмы и сумы,
предаться любви, отдаваться тоске,
пировать в эпицентре чумы.

* * *

Мой разум честно сердцу служит,
всегда шепча, что повезло,
что все могло намного хуже,
еще херовей быть могло.

* * *

Живу, ни во что без остатка не веря,
палю, не жалея, шальную свечу,
молчу о находке, молчу о потере,
а пуще всего о надежде молчу.

* * *

Клянусь компотом детства моего
и старческими грелками клянусь,
что я не испугаюсь ничего,
случайно если истины коснусь.

* * *

Что расти с какого-то момента
мы перестаем – большая жалость:
мне, возможно, два лишь сантиметра
до благоразумия осталось.

* * *

В жизненной коллизии любой
жалостью не суживая веки,
трудно, наблюдая за собой,
думать хорошо о человеке.

* * *

Я не верю вранью отпетому
о просвете во мраке мглистом.
Я отчаялся. И поэтому
стал отчаянным оптимистом.

* * *

На всех перепутьях, что пройдены,
держали, желая мне счастья,
стальные объятия родины
и шею мою, и запястья.

* * *

На дереве своей генеалогии
характер мой отыскивая в предках,
догадываюсь грустно я, что многие
качаются в петле на этих ветках.

* * *

Склонен до всего коснуться глазом
разум неглубокий мой, но дошлый,
разве что в политику ни разу
я не влазил глубже, чем подошвой.

* * *

Во всем со всеми наравне,
как капелька в росе,
в одном лишь был иной, чем все, —
я жить не мог в гавне.

* * *

Любому жребий царственный возможен,
достаточна лишь смелость вжиться в роль,

где уничтожен – лучше, чем ничтожен,
унижен – как низложенный король.

* * *

За то, что смех во мне преобладает
над разумом средь жизненных баталий,
фортуна меня щедро награждает
обратной стороной своих медалей.

* * *

Замкнуто, светло и беспечно
я витаю в собственном дыму;
общей цепью скованный случайно,
лишь сосед я веку своему.

* * *

В этом странном окаянстве —
как живу я? Чем дышу?
Шум и хам царят в пространстве,
шумный хам и хамский шум.

* * *

Когда-нибудь я стану знаменит,
по мне окрестят марку папирос,
и выяснит лингвист-антисемит,
что был я прибалтийский эскимос.

* * *

В эту жизнь я пришел не затем,
чтобы въехать в сенат на коне,
я доволен сполна уже тем,
что никто не завидует мне.

* * *

Отнюдь я не был манекен,
однако не был и в балете;
я тот никто, кто был никем,
и очень был доволен этим.

* * *

Есть мечта у меня, беречь
буду крепость ее настояща:
когда вновь будут книги жечь,
пусть мою огня удостоят.

* * *

Что стал я пролетарием – горжусь;
без устали, без отдыха, без фальши
стараюсь, напрягаюсь и тружусь,
как юный лейтенант – на генеральше.

* * *

Средь шумной жизненной пустыни,
где страсть, и гонор, и борение,
во мне достаточно гордыни,
чтобы выдерживать смирение.

* * *

Каков он, идеальный мой читатель?
С отчетливостью вижу я его:
он скептик, неудачник и мечтатель,
и жаль, что не читает ничего.

* * *

Господь – со мной играет ловко,
а я – над Ним слегка шучу,
по вкусу мне моя веревка,
вот я ногами и сучу.

* * *

Всю молодость любил я поезда,
поэтому тот час мне неизвестен,
когда моя счастливая звезда
взошла и не нашла меня на месте.

* * *

Тюрьма была отнюдь не раем,
но часто думал я, курия,

что, как известно, Бог – не фраер,
а значит, я сижу не зря.

* * *

Множеству того, чем грязно время,
тьме событий, мерзостных и гнусных,
я легко отыскиваю семя
в собственных суждениях и чувствах.

* * *

Блуд мировых переустройств
и бред слияния в экстазе —
имеют много общих свойств
со смерчем смыва в унитазах.

* * *

Эпоха, мной за нравственность горда,
чтоб все об этом ведали везде,
напишет мое имя навсегда
на облаке, на ветре, на дожде.

* * *

Куда по смерти душу примут,
я с Богом торго не веду;
в раю намного мягче климат,
но лучше общество в аду.

4

СЕМЬЯ ОТ БОГА НАМ ДАНА, ЗАМЕНА СЧАСТИЮ ОНА

* * *

Женщиной славно от века
все, чем прекрасна семья;
женщина – друг человека
даже, когда он свинья.

* * *

Тюремщик дельный и толковый,
жизнь запирает нас надолго,
смыкая мягкие оковы
любви, привычности и долга.

* * *

Мужчина – хам, зануда, деспот,
мучитель, скряга и тупица;
чтоб это стало нам известно,
нам просто следует жениться.

* * *

Творец дал женскому лицу
способность перевоплотиться:
сперва мы вводим в дом овцу,
а после терпим от волчицы.

* * *

Съев пуды совместной каши
и года отдав борьбе,
всем хорошим в бабах наших
мы обязаны себе.

* * *

Не судьбы грядущей тучи,
не трясины будней низких,
нас всего сильнее мучит

недалекость наших близких.

* * *

Брожу ли я по уличному шуму,
ем кашу или моюсь по субботам,
я вдумчиво обдумываю думу:
за что меня считают идиотом?

* * *

Я долго жил как холостяк,
и быт мой был изрядно пуст,
хотя имел один пустяк:
свободы запах, цвет и вкус.

* * *

Семья – надежнейшее благо,
ладья в житейское ненастье,
и с ней сравнима только влага,
с которой легче это счастье.

* * *

Не брани меня, подруга,
отвлекись от суеты,
все и так едят друг друга,
а меня еще и ты.

* * *

Чтобы не дать угаснуть роду,
нам Богом послана жена,
а в баб чужих по ложке меду
вливает хитрый сатана.

* * *

Детьми к семье пригвождены,
мы бережем покой супруги;
ничто не стоит слез жены,
кроме объятия подруги.

* * *

Мое счастливое лицо

не разболтает ничего;
на пальце я ношу кольцо,
а шеей – чувствую его.

* * *

Тому, что в семействе трещина,
всюду одна причина:
в жене пробудилась женщина,
в муже уснул мужчина.

* * *

Завел семью. Родились дети.
Скитаюсь в поисках монет.
Без женщин жить нельзя на свете,
а с ними – вовсе жизни нет.

* * *

Если днем осенним и ветреным
муж уходит, шаркая бодро,
треугольник зовут равнобедренным,
невзирая на разные бедра.

* * *

Был холост – снились одалиски,
вакханки, шлюхи, гейши, киски;
теперь со мной живет жена,
а ночью снится тишина.

* * *

Цепям семьи во искупление
Бог даровал совокупление;
а холостые, скинув блузки,
имеют льготу без нагрузки.

* * *

Я по любви попал впросак,
надев семейные подтяжки,
но вжился в тягу, как рысак,
всю жизнь бегущий из упряжки.

* * *

Удачливый и смелый нарушитель
законности, традиций, тишины,
судьбы своей решительный вершитель,
мучительно боюсь я слез жены.

* * *

Бьет полночь. Мы давно уже вдвоем.
Спит женщина, луною освещаясь.
Спит женщина. В ней семя спит мое.
Уже, быть может, в сына превращаясь.

* * *

Еще в нас многое звериным
осталось в каждом, но великая
жестокость именно к любимым —
лишь человека данность дикая.

* * *

Я волоку телегу с бытом
без напряженья и нытья,
воспринимая быт омытым
высоким светом бытия.

* * *

Господь жесток. Зеленых неучей,
нас обращает в желтых он,
а стайку нежных тонких девочек —
в толпу сварливых грузных жен.

* * *

Когда в семейных шумных ссорах
жена бывает неправа,
об этом позже в мемуарах
скорбит прозревшая вдова.

* * *

Если рвется глубокая связь,
боль разрыва врачует солью.

Хорошо расставаться, смеясь —
над собой, над разлукой, над болью.

* * *

Если б не был Создатель наш связан
милосердием, словно веревкой,
Вечный Жид мог быть жутко наказан
сочетанием с Вечной Жидовкой.

* * *

Разве слышит ухо, видит глаз
этих переломов след и хруст?
Любящие нас ломают нас
круче и умелей, чем Прокруст.

* * *

Жалко бабу, когда, счастье губя,
добиваясь верховодства оплошно,
подминает мужика под себя,
и становится ей скучно и тошно.

* * *

Когда взалхлеб, всерьез, не в шутку
гремят семейные баталии,
то грустно думать, что рассудку
тайком диктуют гениталии.

* * *

Хвалите, бабы, мужиков:
мужик за похвалу
достанет месяц с облаков
и пыль сметет в углу.

* * *

Где стройность наших женщин?
Годы тают, и стать у них совсем уже не та;
зато при каждом шаге исполняют
они роскошный танец живота.

* * *

Семья – театр, где не случайно
у всех народов и времен
вход облегченный чрезвычайно,
а выход сильно затруднен.

* * *

Закосневшие в семейственной привычке,
мы хотя воспламеняемся пока,
но уже похожи пылкостью на спички,
что горят лишь от чужого коробка.

* * *

Бойся друга, а не врага —
не враги нам ставят рога.

* * *

Наших женщин зря пугает слух
про мужских измен неотвратимость,
очень отвращает нас от шлюх
с ними говорить необходимость.

* * *

Амур хулиганит с мишенью
мужских неразумных сердец,
и стерва, зануда и шельма
всех раньше идут под венец.

* * *

Сегодня для счастливого супружества
у женщины должно быть много мужества.

* * *

А Байрон прав, заметив хмуро,
что мир обязан, как подарку,
тому, что некогда Лаура
не вышла замуж за Петрарку.

* * *

В идиллии всех любящих семей,
где клен не наглядится на рябину,
жена из женской слабости своей
увесистую делает дубину.

* * *

Для домашнего климата ровного
много значит уместное слово,
и от шепота ночью любовного
улучшается нрав домового.

* * *

Век за веком слепые промашки
совершает мужчина, не думая,
что внутри обаятельной пташки
может жить крокодилыша угрюмая.

* * *

Разбуженный светом, ожившим в окне,
я вновь натянул одеяло;
я прерванный сон об измене жене
хотел досмотреть до финала.

* * *

Любым – державным и келейным
тиранствам чужд мой организм,
хотя весьма в быту семейном
полезным вижу деспотизм.

* * *

Вполне владеть своей женой
и управлять своим семейством —
куда труднее, чем страной,
хотя и мельче по злодействам.

* * *

Цветы. Негромкий гул людей.
Пустая ложь, что вечно с нами.

Тупой отзвон слепых гвоздей.
И тишина. И тьма. И пламя.

5

**ЕСЛИ ЖИЗНЬ ИЗЛИШНЕ ДЕЛОВАЯ,
ФУНКЦИЯ СЛАБЕЕТ ПОЛОВАЯ**

* * *

Прожив уже почти полвека,
тému перепробовав работ,
я убежден, что человека
достойн лишь любовный пот.

* * *

За то люблю я разгильдяев,
блаженных духом, как тюлень,
что нет меж ними негодяев
и делать пакости им лень.

* * *

Рассудок, не знававший безрассудства,
и ум, где шалопайство не с руки,
и разум, не отзывчивый для чувства, —
от мудрости безмерно далеки.

* * *

Лишь перед смертью человек
соображает, кончив путь,
что слишком короток наш век,
чтобы спешить куда-нибудь.

* * *

Запетыми в юности песнями,
другие не слыша никак,
живет до скончания пенсии
счастливый и бодрый мудак.

* * *

Поскольку жизнь, верша полет,
чуть воспарив, — опять в навозе,
всерьез разумен только тот,

кто не избыточно серьезен.

* * *

Наш разум лишь смехом полощется
от глупости, скверны и пакости,
а смеха лишенное общество
скудеет в клиническом пафосе.

* * *

Сегодня столь же, сколь вчера,
земля полна пиров и казней;
зло обаятельней добра,
и гибче, и разнообразней.

* * *

Весьма причудлив мир в конторах
от девяти и до шести;
бывают жопы, из которых
и ноги брезгают расти.

* * *

У скряги прочные запоры,
у скряги темное окно,
у скряги вечные запоры —
он жаден даже на гавно.

* * *

Пути добра с путями зла
так перепутались веками,
что и чистейшие дела
творят грязнейшими руками.

* * *

Господь, лепя людей со скуки,
бывал порою скуповат,
и что частично вышли суки,
он сам отчасти виноват.

* * *

Время наше будет знаменито

тем, что сотворило страха ради
новый вариант гермафродита:
плотью – мужики, а духом – бляди.

* * *

Блажен, кто искренне не слышит
своей души смятенный стон:
исполнен сил и счастлив он,
с годами падая все выше.

* * *

Чуть получше, чуть похуже —
сыщется водица,
и не стоит пить из лужи —
плюнуть пригодится.

* * *

Не стану врагу я желать по вражде
ночей под тюремным замком,
но пусть он походит по малой нужде
то укусом, то кипятком.

* * *

В кровати, хате и халате
покой находит обыватель.
А кто романтик, тот снует
и в шестеренки хер сует.

* * *

В искушениях всяких и разных
дух и плоть усмирять ни к чему;
ничего нет страшней для соблазна,
чем немедля поддаться ему.

* * *

С тихой грустью художник ропщет,
что при точно таком же харче
у коллеги не только толще,
но еще и гораздо ярче.

* * *

С хорошими людьми я был знаком;
покуда в Лету замертво не кану,
ни сукою теперь, ни мудаком
я им благодаря уже не стану.

* * *

Ко тьме и свету не причастен,
брезглив ко злу, к добру ленив,
по часу в день бывал я счастлив,
тетрадь к сожительству склонив.

* * *

В конторах служат сотни дур,
бранящих дом, плиту и тряпку;
у тех, кто служит чересчур,
перерастает матка – в папку.

* * *

Не суйся запевалой и горнистом,
но с бодростью и следуй, и веди;
мужчина быть обязан оптимистом,
все лучшее имея впереди.

* * *

Я на карьеру, быт и вещи
не тратил мыслей и трудов,
я очень баб любил и женщин,
а также девушек и вдов.

* * *

Есть страсти, коим в восхваление
ничто нигде никем не сказано;
я славлю лень – преодоление
корысти, совести и разума.

* * *

Наш век легко плодит субъекта
с холодной згой в очах порочных,

с мешком гавна и интеллекта
на двух конечностях непрочных.

* * *

Снегом порошит моя усталость,
жизнь уже не книга, а страница,
в сердце – нарастающая жалость
к тем, кто мельтешит и суетится.

* * *

В советах нету благодати
и большей частью пользы нет,
и чем дурак мудаковатей,
тем он обильней на совет.

* * *

Крутой и трогательно чистый,
весомо, явственно и внятно
от нищих духом – дух мясистый
витают в воздухе приятно.

* * *

Человек без тугой и упрямой
самовольной повадки в решениях
постепенно становится дамой,
искушенной во всех отношениях.

* * *

Саднит на душе, как ожог,
тоска соучастия в спорах
с обилием творческих жопа,
весьма в извращении скорых.

* * *

Владыкой мира станет труд,
когда вино польет из пушек,
и разом в девственность впадут
пятнадцать тысяч потаскушек.

* * *

Никуда не уйдя ни на чуть,
мы все силы кладем на кружение,
ибо верим не в пройденный путь,
а в творимое нами движение.

* * *

Ты вечно встревожен, в поту, что в соку,
торопишься так, словно смерть уже рядом;
ты, видно, зачат был на полном скаку
каким-то летящим в ночи конокрадом.

* * *

По ветвям! К бананам! Где успех!
И престиж! Еще один прыжок!
Сотни обезьян стремятся вверх,
и ужасен вид их голых жоп.

* * *

Я уважаю лень за то, что
в ее бездейственной тиши
живую мысль питает почва
моей несуетной души.

* * *

Сказавши, не солгав и не похвастав,
что страху я не слишком поддаюсь,
не скрою, что боюсь энтузиастов
и очень активистов я боюсь.

* * *

Я прожил жизнь как дилетант —
ни в чем ни знаний, ни системы,
зато писал я не диктант,
а сочинение без темы.

* * *

Чтобы вдоволь радости отведать
и по жизни вольно кочевать,

надо рано утром пообедать
и к закату переночевать.

* * *

Гниенье основ – анекдота основа,
а в нем стало явно видней,
что в русской комедии много смешного,
но мало веселого в ней.

* * *

Вкушая бытия густой напиток,
трясаясь по колее, людьми изрытой,
я понял, что серьезности избыток —
примета недостаточности скрытой.

* * *

У тех, в ком унылое сердце,
и мысли – тоскою моренные,
а если подробней всмотреться,
у бедных и яйца – варенные.

* * *

О чем хлопочут червяки?
Чего достигнуть норовят?
Чтоб жизней их черновики
в питоны вывели червят.

* * *

Не жалею хмельных промелькнувших годов,
не стыжусь их шального веселья,
есть безделье, которое выше трудов,
есть труды, что позорней безделья.

* * *

Этот тип – начальник, вероятно:
если он растерян, огорошен,
если ветер дует непонятно —
он потеет чем-то нехорошим.

* * *

Подпольно, исподволь, подспудно,
родясь, как в городе – цветы,
растут в нас мысли, корчась трудно
сквозь битый камень суеты.

* * *

Творимое с умом и не шутя
безделье освежает наши души;
с утра я лодырь, вечером – лентяй,
и только в промежутке бью баклуши.

* * *

Уже с утра, еще в кровати,
я говорю несчетный раз,
что всех на свете виноватей —
Господь, на труд обрекший нас.

* * *

Как ни туманна эта версия,
но в жизни каждого из нас
есть грибоедовская Персия
и есть мартыновский Кавказ.

* * *

Лишь тот вполне благочестив,
кто время попусту не тратил,
а, смело пояс распустив,
земной отведал благодати.

* * *

Расчетлив ты, предусмотрителен,
душе неведомы гримасы,
ты не дитя живых родителей,
а комплекс компаса и кассы.

* * *

Чуждаясь и пиров, и женских спален,
и быта с его мусорными свалками,

настолько стал стерильно идеален,
что даже по нужде ходил фиалками.

* * *

О равенстве мы заняты заботами,
болота и холмы равняем мы;
холмы, когда уравнены с болотами,
становятся болотами холмы.

* * *

Так привык на виду быть везде,
за престиж постоянно в ответе,
что, закрывшись по малой нужде,
держит хер, как бокал на банкете.

* * *

Живи, покуда жив. Среди потопа,
которому вот-вот наступит срок,
поверь – наверняка мелькнет и жопа,
которую напрасно ты берег.

* * *

Мужчины – безусловный авангард
всех дивных человеческих затей,
и жаль, что не умерен их азарт
ношением и родами детей.

* * *

Так ловко стали пресмыкаться
сейчас в чиновничьих кругах,
что могут с легкостью сморкаться
посредством пальцев на ногах.

* * *

Сколько света от схватки идей,
сколько свежести в чувственной гамме,
но насмотришься сук и блядей —
жирно чавкает грязь под ногами.

* * *

Над злой тоской больниц и тюрем,
над нашей мышьей суетой,
дымами труб насквозь прокурен,
витают вряд ли дух святой.

* * *

Я чужд рассудочным заботам
и очень счастлив, что таков:
Бог благосклонен к идиотам
и обожает мудаков.

* * *

Есть люди – прекрасны их лица,
и уровень мысли высок,
но в них вместо крови струится
горячий желудочный сок.

* * *

Погрызши в тупых ежедневных делах
и в них находя развлечение,
заблудшие души в блудливых телах
теряют свое назначение.

* * *

Очень жаль мне мое поколение,
обделенное вольной игрой:
у одних плоскостопие мышление,
у других – на душе геморрой.

* * *

Пора! Теперь меня благослови
в путь осени, дождей и листопада,
от пламени цветенья и любви
до пепла увяданья и распада.

* * *

Дана лишь тем была недаром
текучка здешней суеты,

кто растопил душевным жаром
хоть каплю вечной мерзоты.

* * *

Мы все умрем. Надежды нет.
Но смерть потом прольет публично
на нашу жизнь обратный свет,
и большинство умрет вторично.

6

**КТО ТОМИМ ДУХОВНОЙ ЖАЖДОЙ,
ТОТ НЕ ЖДИ ЛЮБВИ СОГРАЖДАН**

* * *

Человек – это тайна, в которой
замыкается мира картина,
совмещается фауна с флорой,
сочетаются дуб и скотина.

* * *

Взрывы – не случайный в мире гость;
всюду то замедленно, то быстро
воздух накапливает нашу злость,
а она – разыскивает искру.

* * *

По странам и векам несется конница,
которая крушит и подчиняет;
но двигатель истории – бессонница
у тех, кто познает и сочиняет.

* * *

На безрассудства и оплошности
я рад пустить остаток дней,
но плещет море сытой пошлости
о берег старости моей.

* * *

Глядя, как играют дети,
можно быть вполне спокойным,
что вовек на белом свете
не пройдут раздор и войны.

* * *

Когда усилия науки
прольют везде елей и мед,
по любопытству и со скуки

все это кто-нибудь взорвет.

* * *

Служа истории внимательно,
меняет время цену слова;
сейчас эпоха, где романтика
звучит как дудка крысолова.

* * *

Весомы и сильны среда и случай,
но главное – таинственные гены,
и как образованием ни мучай,
от бочек не родятся Диогены.

* * *

Бывают лица – сердце тает,
настолько форма их чиста,
и только сверху не хватает
от фиги нежного листа.

* * *

Душой своей, отзывчивой и чистой,
других мы одобряем не вполне;
весьма несимпатична в эгоистах
к себе любовь сильнее, чем ко мне.

* * *

Когда сидишь в собраниях шумных,
язык пылает и горит;
но люди делятся на умных
и тех, кто много говорит.

* * *

Всегда сильней и выше песенник,
и легче жить ему на свете,
в ком веселей и ярче висельник,
всегда таящийся в поэте.

* * *

Воспев зачатые и агонию,

и путь меж ними в мироздании,
поэт рожден прозреть гармонию
в любом и всяком прозябании.

* * *

В стихах моих не музыка живет,
а шутка, запеченная в банальности,
лежащая грелкой на живот,
болящий несварением реальности.

* * *

Нельзя не злясь остаться прежним
урчаще булькающим брюхом,
когда соседствуешь с мятежным
смятенно мечущимся духом.

* * *

Жрец величав и строг. Он ключ
от тайн, творящихся на свете.
А шут – раскрыт и прост. Как луч,
животворящий тайны эти.

* * *

Владыка наш – традиция. А в ней —
свои благословенья и препоны;
неписанные правила сильней,
чем самые свирепые законы.

* * *

Несмотря на раздор между нами,
невзирая, что столько нас разных,
в обезьянах срослись мы корнями,
но не все – в человекообразных.

* * *

Наука наукой, но есть и приметы;
я твердо приметил сизмальства,
что в годы надежды плодятся поэты,
а в пору гниенья – начальство.

* * *

Я повзрослел, когда открыл,
что можно плакать или злиться,
но всюду тьма то харь, то рыл,
а непохожих бьют по лицам.

* * *

Жизнь не обходится без сук,
в ней суки с нами пополам,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.